

«Конечно, ты не хочешь, чтобы Драко сопровождал тебя в твоём набеге?» заговорила Нарцисса, её сердце тревожно забило при виде этой новой части плана её мужа. «Он слишком молод. Он не знает, что значит стать одним из Отмеченных. Ты должен передумать».

«Разве ты не понимаешь, Нарцисса?» Люциус зашипел. «Это единственный выход! Я не позволю своему сыну запятнать мою родословную, оставаясь полукровкой. Он должен быть чистокровным лордом, готовым стать вторым после Темного Лорда, готовым править теми, кто ниже его по крови. Разве ты не понимаешь, почему он должен быть там?»

«А как насчет тех, кто будет стоять и сражаться?» спросила Нарцисса. «Что, если Драко пострадает? Что, если он умрет?»

«Мы всегда можем взять другого», - сказал Люциус. «Тот, чья кровь не запятнана».

«Это из-за боли», - потрясенно и с мольбой в голосе произнесла Нарцисса. «Должно быть, это боль от метки заставляет тебя так думать.»

«Да», - проговорил Люциус, на мгновение придя в себя. «Да, это боль. Прости меня, любовь моя. Ты знаешь, что я обожаю нашего сына, но он все равно поедет со мной. Он должен стать более благосклонным к Темному Лорду до своего полного возвращения. Это единственный выход».

«Не волнуйся, любовь моя», - сказал Люциус, и безумие, казалось, покинуло его глаза. «Я позабочусь о том, чтобы Драко вернулся живым и невредимым. Но он должен быть готов, 25 августа приближается с каждым днем».

«Конечно», - криво улыбнулась Нарцисса, - „я понимаю“.

Кивнув, она встала с дивана и направилась в спальню. Она сосредоточилась на своём дыхании, стараясь изо всех сил игнорировать крики своего единственного ребенка, а затем рухнула в кресло перед туалетным столиком и прижала руки к лицу. Дыша прерывисто, слезы текли по глазам быстрее, чем когда-либо, она смотрела на свою судьбу в зеркало. Как могло все пойти

так плохо?

Глава 6.

(Мишель П.О.В.)

Майкл вздохнул, вертя отвертку в пальцах, как барабанную палочку, и глядя на грудку того, что для большинства людей было бы не более чем металлоломом, но для Майкла это было напоминанием о доме. Когда он сказал матери, что на лето останется с Гарри, в полученном письме была ощутимая душевная боль, но, несмотря ни на что, мать поняла его решение и надеялась, что он продолжит писать ей.

Майкл не то чтобы ненавидел своих родителей - по правде говоря, он восхищался трудовой этикой отца и его преданностью своему ремеслу. Ему хотелось, чтобы отец хоть раз солгал и сказал, что гордится своим сыном, но он не мог лгать даже в таких вещах. Отличное качество для разведчика, с грустью подумал Майкл, но паршивое качество для отца.

И все же этот хлам напомнил ему об одной вещи, которую он любил дома, - об отцовской мастерской. Если он и любил лето, так это когда люди приезжали с машинами, велосипедами, мотоциклами, лодками - всем, что у них не работало, и они с отцом неустанно трудились, чтобы заставить эти двигатели работать как новые.

Да, Майкл был волшебником, и если что-то ломалось, то простым заклинанием ремонта можно было устранить 90 % проблем, но Майкл ненавидел это чувство. Ему нравилось чувствовать смазку на своих руках, и он закручивал болты, снимал и заменял сломанные трубы, калибровал манометры - для него это была игра, и выяснение того, что заставляет машины работать, было единственной вещью, кроме шалостей, которая действительно заставляла его кровь бурлить.

«Афина, - обратился Майкл к своей сове, - не могла бы ты принести мою коробку с винтами, у меня все кончилось».

Афина радостно ухнула, подлетев к прикроватной тумбочке, где лежали его материалы. Майкл

поразился сообразительности своей птицы, пока она рылась в ящике с инструментами, а потом издала довольное чириканье и вернулась к нему на плечо, бросив коробку ему в руку. «Хорошая девочка», - сказал Майкл, улыбаясь, когда Афина нежно и с любовью потрепала его за ухо.

Не успел Майкл вкрутить последнюю деталь, как стук в дверь вывел его из комнаты. Когда он поднялся, его тело затрещало от долгого неподвижного положения, он подошел к двери и открыл ее перед лицами своих друзей. Гарри вошел первым и тут же рухнул на кровать Майкла, испустив усталый вздох: «Кажется, Дамблдор пытается меня убить, ребята, я вымотался».

Майкл улыбнулся, когда через несколько минут вошел Невилл и сел в кресло-мешок, которое Майкл придумал, чтобы оно напоминало ему его комнату дома, после чего тоже вздохнул: «Можно подумать, что завтра мы едем на чемпионат мира, и они дадут нам легкий день, но я не думаю, что мои ноги когда-либо в жизни болели так сильно, как сейчас».

Майкл кивнул в знак согласия, он определенно чувствовал рост, и не только в физических аспектах, которые тренировал Сириус, но и в своих магических способностях под присмотром Ремуса, но тренировки были жестокими. Длинные пробежки по утрам, многочасовые тренировки и магические полосы препятствий доводили их до предела физических возможностей, а тут еще и практика бесшумных заклинаний, которой их пытался научить Ремус, и которая показалась Майклу интересной, но очень сложной.

Ему удалось создать оглушение без всяких заклинаний, хотя оно было невероятно слабым, и Ремус с легкостью отбил его в сторону, и каким-то образом он стал лучшим в этом деле. Майкл вздохнул, выныривая из воспоминаний при звуке голоса Гарри: «Кстати, над чем ты работал, Корнер?»

«О, - сказал Майкл, почесав голову, - ничего особенного, я просто хотел посмотреть, как Маглы строят вещи с магическими эффектами». Несмотря на то, что Майкл отмахнулся от вопроса, Гарри и Невилл все равно встали, чтобы посмотреть, что построил Майкл, и он немного смущенно улыбнулся: «Это должен быть Черный Лев из „Вольтрона“, я смотрел это шоу, когда был ребенком, но мне показалось, что фигурки недостаточно анимированы, и я попытался построить свою собственную».